

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юбер

ПО ЗИМНЕМУ СЛЕДУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 7. По зимнему следу**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 7. По зимнему следу /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-856-3

В 7-й том собрания сочинений знаменитого журналиста «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова вошли новеллы из его личной рубрики «Окно в природу», репортажи из поездки по Африке и уникальное интервью с легендарным Маршалом Победы – Георгием Константиновичем Жуковым.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-856-3

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1969	9
Волк	9
Еще один взлет	14
Лиса в окладе	17
Первая	21
Фото В. Пескова и из архива автора. 4 февраля 1969 г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 7. По зимнему следу. 1969–1970

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Мы не можем быть равнодушными к оскудению мира, частью которого сами являемся. Наша совесть и разум, воспитание наших детей, законодательство – все должно служить защите и покровительству существ с нами на планете Земля. Ибо ничего нет печальней картины, чем человек в умолкнувшем синтетическом мире».

В. Песков

Предисловие

Василий Михайлович Песков как-то особенно точно умел выбирать людей, о которых писал. Мы многих из них не знаем да и не знали никогда, а читать интересно. Бабка Ато-ниха на переправе через реку, Лыковы из «Таежного тутика», летчик Девятаев, улетевиший из фашистского плена с товарищами на угнанном самолете... Песков всех их открывал в своих странствиях.

Но интервью с одним человеком – просто уникально. Потому что человека этого знал весь мир, а мы называем Маршалом Победы. Георгий Константинович Жуков.

И это предисловие будет про Пескова и про Жукова.

С 1958 и до 1970 года маршал был, как деликатно сказал об этом Песков, «в тени», а по сути – в опале. И Василий Михайлович стал первым журналистом, который сделал с ним интервью на исходе этой опалы. На целую полосу в «Комсомолке». Сохранилась запись самого Василия Михайловича о той уникальной встрече. Так что пусть расскажет сам Песков об уникальном своем интервью.

* * *

«С маршалом Георгием Константиновичем Жуковым я встречался не один раз. Начало всему положила первая встреча 27 апреля 1970 года. Приближалась 25-я годовщина Победы. Очень хотелось поговорить с одним из главных ее творцов. Но существовали сложности. Имя маршала было в тени. В юбилейные даты Жукова вспоминали, но с какой-то странной осторожностью, дозированной осмотрительностью. В то же время вышла и пользовалась громадным успехом книга его мемуаров. В те дни меня к Жукову влек обостренный человеческий интерес и в немалой степени ощущение поправленной справедливости. Одним словом, ко дню 25-летия Победы хотелось поговорить именно с Жуковым.

С благодарностью вспоминаю Вадима Комолова. В прошлом журналист «Комсомольской правды», он много сделал, работая в издательстве АПН, чтобы книга Георгия Константиновича «Воспоминания и размышления» увидела свет при жизни маршала. Я попросил Вадима: нельзя ли познакомиться с Жуковым? Через два дня Вадим позвонил: «Жуков ждет нас в двенадцать часов».

И вот 27 апреля 1970 года мы едем на подмосковную дачу. Лесное, уютное, тихое место с двухэтажным домиком за оградой. С большим волнением переступал я порог этого дома. (Дачу Жукову подарил Сталин после разгрома немцев на подступах к Москве.)

Из глубины большой залы вышел, помню, опираясь на палочку, седой уже, подкошенный временем человек. Приветливо поздоровался, посмотрел внимательным взглядом, предложил чаю.

Знакомясь, говорили о новостях, о погоде, о наступающем празднике. Минут через десять перешли к делу. Я сказал, что газета для нашей беседы готова предоставить целую полосу, что все, чего мы коснемся, будет показано до публикации маршалу. Жуков кивнул. Часть вопросов в письменном виде я передал ему ранее, на другую половину вопросов он отвечал в ходе живой беседы. Я пользовался только блокнотом и очень жалею об этом. Магнитная запись сохранила бы голос дорогого нам человека, его манеру говорить, мыслить.

Беседовали долго. Я спрашивал, Жуков отвечал, иногда уточняя вопрос. В одном месте, помню, он вдруг поднял брови: «Василий Михайлович, но это вопрос для ротного командира...» Я возразил: «Мы хотим показать вас не только маршалом, но и человеком».

В перерыве фотографировались с дочерью. Потом Жуков подарил мне книгу, только что полученную из Парижа. Я, в свою очередь, передал подарки нашей редакции: пластинки с записью голосов птиц и с песнями времен войны... Уезжали уже в темноте.

Запись беседы мы решили показать Георгию Константиновичу не отпечатанной, как принято, на машинке, а уже набранной в типографии и сверстанной в газетную полосу с фотографией, заголовком. Взглянув на оттиск, Жуков сдержанно улыбнулся: «Вот так и напечатаете?..» – «Да, с вашими поправками, Георгий Константинович». Жуков, помню, неторопливо надел очки и стал читать, не присаживаясь. Потом, попросив подождать, поднялся на второй этаж. По некрутой деревянной лестнице он шел, держа перед собой газетный лист, и читал.

Минут через сорок опять заскрипели ступеньки. По лицу Жукова мы поняли: возражений нет. Действительно, в набранном тексте было сделано две поправки – Жуков точнее сформулировал мысль о том, что Сталин, вопреки множеству сведений – «война на пороге», упорно надеялся оттянуть, отодвинуть войну.

Успех публикации в «Комсомольской правде» был громадным. Газету, помню, читали вслух в домах, во дворах. Редакция получила множество откликов. Тысячи писем получил и сам маршал. По ним он почувствовал: народ, страна его помнит, относится к нему с огромным, искренним уважением, понимает роль Жукова в войне и место его в истории.

Позднее я виделся с Георгием Константиновичем при разных обстоятельствах. Он звонил, например: «У меня в гостях товарищи из Монголии. Приезжай и не забудь фотокамеру»...

Из бесед о войне и событиях тех лет считаю долгом привести ответ Жукова на вопрос: как он относится к словам «Сталин руководил войной по глобусу»? Ответ был таким: «Чепуха. Сталин так войну понимал, что даже я иногда склонял перед ним голову. И если в первую половину войны он, случалось, бывал растерянным, делал ошибки, то вторую половину войны он полностью соответствовал тому, что требовала обстановка от его ответственной роли Верховного главнокомандующего». Это взвешенные слова...

После смерти жены Георгий Константинович почувствовал: дни его сочтены. В последнюю встречу он прямо сказал об этом: «Все. Надо готовиться. Пистолет, саблю, бурку отдал в музей. Возьми что-нибудь себе на память». Я стал отказываться: «Все надо отдать в музей...» – «Ну хорошо. Зайдем в этот чулан. Тут хранятся мои рыболовные снасти. Бери что хочешь...»

Как дорогая реликвия хранится у меня жестяная зеленого цвета коробка с крючками и блеснами. Одна из блесен сделана из пряжки солдатского ремня самим маршалом...»

* * *

А само интервью вы найдете в этом томе. Читайте, это уже история...

Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1969

Волк

Окно в природу

Нас разделяют шагов пятнадцать. Я стою как раз на тропе, по которой он не один раз пробегал. Несколько сильных прыжков, и волк будет возле меня. Но он стоит неподвижно. Увидав человека, он согнул и приподнял переднюю лапу. Точно так же на охоте, почуяв дичь, делает стойку собака. Полминуты в озадаченной позе, и волк опускает лапу, не теряя, впрочем, интереса к стоящему против него. Я не делаю резких движений, и волк терпеливо сносит щелчки аппарата. В объектив я хорошо вижу два чуть прищуренных коричневых глаза, два небольших твердых уха над скуластой, почти округлой мордой, темной вверху и дымчато-серой снизу. Ни страха, ни злобы я не вижу в глазах. Темная шерсть на крутом лбу слегка шевелится. Не сомневаюсь, что вижу в кадре мыслящее существо. Мне кажется даже: спроси что-нибудь – слова не останутся без ответа.

Неподвижно стоит. Я расстегнул полушубок, аккуратно пробираюсь за пазуху достать светофильтр. Все. Волк крутнулся на месте и своим следом скрылся в березах. Я вижу, как мелькает в просветах серовато-дымная тень. Ни звука, ни шороха. Через минуту он появляется от меня справа, уже не один. Теперь три волка, чуть пригнувшись, изучают фотографа. Расстояние по-прежнему шагов двадцать. Я не подвергаюсь опасности, хотя маленький риск все же есть.

Нас разделяет метров пятнадцать.

Трое волков живут в огороженном человеком леске. Тут у волков есть где спрятаться, есть недлинные тропы и места лежек. В подобной неволе волки не должны потерять природных повадок, и, стало быть, зоологам можно будет понаблюдать кое-что интересное.

Я перевожу объектив и вижу одну, вторую настороженную морду. Особенно запоминается средний волк, самый большой. Мудрый, немного усталый взгляд. Какая мысль в эту минуту шевелится под крутым волчьим лбом?

Несколько лет назад я завел папку с надписью «Волк» и стал в нее складывать все, что касалось этого зверя: газетные вырезки, книги, листки с личными наблюдениями, свидетельства биологов и охотников, рассказы о необычных встречах с волками, фотографии зверя. Недавно друзья прислали мне снимок памятника последнему волку, убитому немецким охотником.

Человек поставил немало памятников животным: собакам, лошади, дельфину, селезню, предупреждавшему жителей маленького городка о приближении самолетов-бомбардировщиков... Но памятник волку, извечному врагу человека?.. Удивление, однако, проходит, когда поближе узнаешь природу, повадки и образ жизни существа, справедливо гонимого человеком. Застреливший последнего волка снял перед ним шапку так же, как мудрый полководец обнажает голову при виде поверженного, но достойного уважения врага. Думаю, что немецкий охотник, убивший последнего волка, вздохнул. Он понимал: природа вокруг него будет беднее, скучнее и проще.

Такие же вздохи я наблюдал и у наших охотников. «Волков не стало...» – говорил мне опытный воронежский волчатник Василий Александрович Анохин, истребивший за свою жизнь не менее сотни зверей, хорошо знающий повадки волков и потому относящийся к ним с благоговейным уважением.

В европейской части страны волки становятся редкостью. И скорее всего именно по этой причине наш интерес к зверю в последнее время сильно повысился.

Листаю содержание своей папки. «Волк забежал по лестнице на пятый этаж строительства и сунул нос в сумки с едой. Рабочие, приняв его за собаку, подняли шум. «Собака» с испугу кинулась в окно. Но высота пяти этажей оказалась для нее роковой. Разглядели хорошенько, позвали охотников – волк!» Это пятилетней давности заметка в московской газете. Примерно в это же время поймали волка не где-нибудь – между павильонами ВДНХ.

Кое-кто, возможно, подумал: вот развелось, в город забегать стали. Но это были, наверное, последние могикане московских лесов. Охотников за их шкурой было не счесть. Изведав облавы, волки сообразили: искать убежища надо поближе к городу, где нет охоты, где никто не ждет появления волков. Волкам тут не надо было даже охотиться – хватало всяких отбросов. Иногда, впрочем, они могли прищучить кошку или собаку – это обычные жертвы волков в голодное время. Погибли звери нелепо потому, что слишком новыми были для них условия обитания. Но, согласитесь, какая смелость – подняться на пятый этаж московского дома, пусть даже на окраине!

Впрочем, в этом нет чего-нибудь необычного. В деревнях волки частенько хватали собак из сеней у хозяина, через крыши проникали в овчарни. Волк с первобытных времен поселился на грани дикой природы и обиталища человека. Он одинаково преуспел и как вольный охотник, и как разбойник, способный без всякой необходимости убить полсотни овец.

Есть, впрочем, некая разновидность волков. Одни неотступно держатся возле селений, пробавляясь разбоем и поиском падали. Другие живут в местах глухих и кормят себя охотой. В жизни охотника риска немного, но много труда. Такие волки поменьше ростом, потощей телом. От них в отличие разбойник живет сытнее, но каждый момент его ожидает возмездие. И потому вся сила, весь ум и опыт уходят у зверя на то, чтобы выжить и приспособиться. Такая борьба за существование выковала зверя необычайной жизненной силы, пластичности и ума.

Волк способен не есть многие дни подряд и пробежать при этом в поисках пищи полста километров за одну ночь. Его желудок принимает мерзлую падаль и кости, а при удаче он поедает все, оставляя от жертвы в точном смысле рожки да ножки. Он торопливо глотает огромные куски мяса, потому что всегда голоден и почти всегда обедает не один, а за волчьим столом нет братства. Съесть волк способен фантастически много. Биологи знают, сколько весит овца и сколько может вместить волчий желудок, и теряются в догадках – куда делось мясо? В крайней нужде волки находят зарытые летом кости и соскребают крохи засохшего мяса.

Удивительно было узнать: волки с большим удовольствием едят яблоки, находят в лесу землянику, жуют молочные зерна овса. Я записал наблюдения старика с Дона – волк приходил на бахчу за арбузами. «Подденет мордой и катит к логу. Кинул с обрыва, еще один покатил. Утром я нашел в яру одни шкурки»...

Известно, что волка ноги кормят. Действительно, волки – неутомимые ходоки, но при худой голове ногами не много вытопчешь. Волка кормит и голова. Сметливый. Наблюдательный. Осторожный. По крику ворона волк догадается, что где-то можно перекусить. По еле заметному следу и запаху учует опасность – презрительно помочится на капкан, обойдет лакомый, но отравленный кусок мяса. Волк издали отличит охотника от лесоруба и грибника. По интонациям голосов на подводе поймет, надо ему бояться или не надо. Уходя от преследования, он обязательно пробежит по накатанной человеком дороге, чтобы спрятать следы, для прыжка же с дороги выберет самое скрытное место.

Семья волков идет аккуратно, след в след. Только опытный человек догадается: прошла стая, а не один волк. Групповая охота волков осмысленна и толкова. Кто-то гонит, кто-то лежит в засаде. Копытных волки стараются выгнать на лед. Бывает, они искусно направляют оленей верст пять или семь и не напрасно – на льду оленя догнать и свалить очень легко. Волк соблюдает все правила конспирации и старается ничем не выдать своего дома. С тяжелой ношей он бежит к логову многие версты и не тронет барашка, который пасется где-нибудь на виду у волчат.

Часто спорят: трусливы волки или отважны? Волк схватит собаку из-под ног человека, но в то же время волк не защищает волчат, когда счастливый пастух по одному достает их из логова и бросает в мешок. Воробей и тот защищает своих птенцов. Потому кажется удивительным равнодушие волка. Но волки вовсе не равнодушны. Вряд ли можно найти в природе более нежных родителей и мудрецов-воспитателей. Если волк заподозрил, что логово обнаружено, он немедленно хватает волчат за холку и переносит на новое место. Но если поздно, волки скрепя сердце наблюдают за грабежом дома. Они хорошо понимают: человек только и ждет, чтобы явился родитель. Заряд картечи – и нет ни старых, ни молодых. Для продолжения рода это невыгодно. Лучше перетерпеть, затаиться и в новом году начать все сначала.

Волки – прекрасные семьянины. Из-за подруги волки грызутся насмерть. Волчица, определив избранника, нередко помогает ему прикончить соперника. Супруги не изменяют друг другу, не расстаются всю жизнь – вместе охотятся, вместе растят потомство. Отец-волк еду волчатам приносит в своем желудке. Волчица ревниво наблюдает за этим кормлением. И если подросшим детям отец уже неохотно опорожняет желудок, волчица задает ему трепку. Волчица – глава семьи. «Поженившись», волки остаются там, где пожелает волчица. Она же и главный воспитатель детей.

Курс волчьей науки длится всю жизнь. Чтобы выжить, зверь постоянно «повышает квалификацию». Но основы всех знаний дает начальная школа вблизи от логова: как выследить, как затаиться, какой момент выбрать для нападения, чего надо и чего не надо бояться в лесу. По курсу учебы однажды мать принесет полуживого зайчонка и даст его поиграть детям – это первый урок охоты. Бывает, что жертва избежит своей участи – волчата, наигравшись с материнской добычей, ложатся спать. Чаще всего это случается со щенятами. Помните Белолобого у Чехова?

У меня в папке хранится снимок, присланный лесниками с Кавказа. Среди взятых из логова темных волчат – совершенно белый щенок. Трудно сказать, что стало бы со щенком. Возможно, он вырос членом волчьей семьи. Вообще же к собакам волки питают враждебность и смело на них охотятся. И все же давнее родство иногда дает себя знать. Известны случаи, когда волчицы брали в любовники деревенских Трезоров. Можно только гадать, каким получалось при этом потомство, волки не терпят слабых.

Вот интересное свидетельство известного зоолога Петра Александровича Мантейфеля: «Мы наблюдали в Московском зоопарке, как жестоко расправлялась волчица, а за ней и весь выводок с кривоногими и вообще слабыми волчатами. Начинается эта расправа с того, что мать останавливает пристальный злой взгляд на избранной жертве. Волчонок извивается, виляет хвостом, не знает, куда глядеть... Момент – и весь выводок бросается на него, а через несколько секунд волки треплют уже оторванную голову и лапы погибшего. Не потому ли в природе среди бродячих выводков мы не находим хилых волков?»

У волка нет врагов, кроме человека. Но это враг, выстоять перед которым волку становится все труднее. Картечь, яд, капканы волки знают давно. Теперь же, кроме всего, надо еще бояться автомобиля, самолета, вертолета, моторных саней. Я видел сверху, как волк изнемог и, упав на спину, поднял лапы навстречу нашему вертолету. «От самолета волки прячутся в хлев к овцам, забегают в крестьянские хаты, прыгают в воду», – пишет воздушный охотник. Можно только дивиться, что при такой осаде волки все еще держатся.

Волчица с волчатами.

К обреченному всегда есть сочувствие. Появилось сочувствие и к волкам. В большой степени этому помогли прекрасные книги канадцев о северном волке и новые взгляды биологов на роль хищника в дикой природе. Доказано: хищник является необходимым звеном в саморегулирующемся механизме природы. Он убивает в первую очередь слабых и этим поддерживает естественный отбор. Стали раздаваться голоса в защиту волков. В областной газете я недавно прочел заметку о том, что волков надо допустить в заповедники: «пусть регулируют жизнь». Заметка вызывает улыбку. Автор ее ужаснулся бы, увидев, что делает пара волков, например, с оленями в заповеднике.

В местах, где хозяйствует человек, волк всегда будет «персоной нон грата». Но разговор о разборчивом отношении к волку не лишен здравого смысла в тех районах, где дикой природы человек еще мало коснулся. Тут волк-охотник действительно держит природу «в хорошей спортивной форме».

Надо признаться: о волке, веками живущем у нас под боком, мы знаем все-таки мало, и поэтому с большим интересом читаешь всякое наблюдение. Я завязываю тесемки своей папки с надеждой, что наблюдавшие волка откликнутся на эту заметку. Все до мелочей интересно: повадки зверей, любопытные встречи с волками, способы охоты, странные случаи привязанности к человеку или нападения на него, хозяйственный ущерб от волков, интересные фотографии, документы, забытые статьи и книги. Из наблюдений интерес представляют только личные. Фантазия, домысел, рассказы из третьих рук ценности не имеют.

Волк – уникальный, совершенный образец дикой природы. И если не суждено сохранить его на планете, так по крайней мере будем же знать, каков он, зверь, с давних времен бывший нашим врагом и соседом.

Фото автора. 7 января 1969 г.

Еще один взлет

Позавчера второй раз поднялся в воздух новый самолет конструктора Туполева. Об этом необычном аэроплане уже много рассказано. Нет нужды сейчас повторять его летные характеристики и мысли о неизбежном рождении этого пожирателя пространства (две с половиной тысячи километров в час!). Уже проверено: воздух принял машину. Она хорошо поднялась, летала и хорошо опустилась на землю.

Позавчера летчики-испытатели второй раз подняли машину. Журналисты попросили глянуть на нее в воздухе. Это оказалось делом несложным. В одном из привычных теперь уже самолетов Ту-124 механики вынули стекла в иллюминаторах, мы заняли места. Пролетая над полосой, мы видели серебристый треугольник, толпу возле него, спустя четверть часа узнали по радио: «Взлетел хорошо...»

Потом ожидание встречи. В открытые окна нацелены объективы. Не холодно. Скорость не дает морозному воздуху ворваться в машину.

Новый самолет появился слева по борту. Белое, непривычное, красивое существо. Сейчас скорость у двух машин одинакова. Самолет, плывущий в ста метрах от нас, кажется неподвижным, застывшим у нас в окошке. На что он похож?.. Если поглядеть сбоку, можно усмотреть некое сходство с пролетающим журавлем. Летчики опускают и поднимают заостренный подвижный «клюв», и сходство с птицей от этого возрастает. Но вот испытатели чуть накрывают машину. Теперь самолет напоминает что-то другое. Пожалуй, больше всего он похож на океанского ската. Природа давно выбрала различные формы тел для воздуха и воды. Человек продолжает у природы учиться или неосознанно повторяет ее творения в новых невиданных качествах...

Первый этап испытаний. Первые осмотровые шаги. Поворот. Плавное скольжение вниз. Резкий подъем. В самолете сейчас четверо испытателей и великое число всяких приборов. На контроле каждый мускул и каждый нерв новой машины.

Пятьдесят минут мы летаем рядом с аэропланом, помеченным цифрой «1». В поле зрения объектива временами попадает и маленький самолет, в точности повторяющий формы большого. Он построен, чтобы испытать возможности этой формы. «Ребенок учит папу ходить», – кричит мне в самое ухо сосед-оператор...

Немилосердно ревут турбины нашего самолета. В последний раз наклоняемся к открытым окошкам – большой и маленький самолеты делают разворот и уходят к аэродрому.

Мы садимся в последнюю очередь. У нового самолета толпа людей. Как и в первый раз, тискают летчиков и конструкторов. Еще один этап испытаний прошел успешно.

Но это только начало.

Фото автора. 10 января 1969 г.

Лиса в окладе

Окно в природу

Павлов на широких лыжах торопливо обходит лесок. Странное дело у Павлова: глянет на след и кладет в карман палочку. Входной след – палочку в левый карман, выходной – в правый. Обежал Павлов лесок, вытряхнул палочки. Все собрались в кружок, ожидают: «чет» или «нечет»? Павлов подышал на руки, аккуратно считает... Палочек девятнадцать – «нечет»! Без промедления кто-то хватает катушку с флажками и убегает по лыжному следу. Ясно: лисица в этом леске. Будь палочек, например, восемнадцать, никто с флажками не побежал бы – четное число означает: сколько раз лисица входила в лесок, столько же раз и вышла. А девятнадцать – другое дело. Теперь скорее, скорее оцепить лесок заборчиком из флажков.

Странное ограждение – шнурок и на нем кумачовые тряпочки. Шнурок висит на ветках кустов, на старых пнях, на сунутой в сугроб палке. Флажки красными пятнами исчезают за поворотом. И вот уже с другой стороны появляется потный, возбужденный окладчик. Шнурка чуть-чуть не хватило. Охотник в продолжение забора кинул варежки, шарф, комок газеты, наколот на сучок коробку от сигарет.

Все. Магический круг образован. Полушепотом Павлов определяет, кому и где становиться. В оклад уходят двое загонщиков. Теперь все просто. Надо тихо и незаметно стоять. Почуввав загонщиков, лиса пожелает покинуть лесок. Ан нет, привычным лазом пошла – флажки! Устремится в другую сторону – и там этот жуткий красный, пахнувший человеком забор. В поисках выхода лиса неизбежно выйдет на кого-нибудь из стрелков. Надо ждать.

От напряжения и тишины у меня начинает звенеть в ушах. Мороз забирается в валенки, иголками впирается в уши и щеки. В глубине леса от стужи с пушечным гулом треснуло дерево. Надо под полушубком согреть аппараты – новых образцов пленка на морозе ломается в них, как солома. Неуютно и неудобно. Стою, однако, исправно. Дятел не замечает меня, долбит гнилую осину. Серебристая кисея снега летит под ноги вперемешку с крошками дерева.

Ну что, загонщики умерли, что ли?.. Нет, не умерли. С морозным треском пролетела глухарка. Потом белый заяц выскочил на полянку. Ушастый зверь на секунду остановился, прислушался и равнодушно прыгнул через флажки.

«Ну давай, давай... Ну вылезай, рыжая...» – еле слышен приглушенный подушками снега голос загонщика. Сейчас, вот сейчас где-нибудь ухнет выстрел. А может, как раз на меня выскочит? Достая из-за пазухи снаряжение. Мне кажется, лисица должна появиться вон из той чащи...

Но из чащи, ломая сучья, вылезает обсыпанный снегом загонщик. Увидав одного из стрелков, загонщик начинает насвистывать «Летку-енку». И сразу со всех сторон голоса. Ясно, лису никто не увидел. Или от мороза в нору ушла, или, скорее всего, оклад был пустым.

– На какой елке будем Павлова вешать?!

Авторитет Павлова так велик, что он не считает нужным ответить на шутку. Важно выяснить, что же случилось. Павлов убегает поглядеть на следы. Мы же, приплясывая, считаем, во что обошлась нам осада. Потери немалые: один обмороженный нос, два уха, оператор с кировской телестудии минуту держал камеру голой рукой, теперь на руке огромный, как от ожога, волдырь...

Лиса провела восьмерых охотников просто: пока тянули флажки, она, аккуратно ступая в заячий след, ушла из леска.

Собираем флажки на катушку. С надеждой, что не всем лисам отпущено много ума, обходим на лыжах еще один островок леса. Но в этот раз число палочек четное. А солнце, обтянутое желтым морозным кругом, уже приблизилось к елкам на горизонте. «Ну что, домой?» – говорит Павлов. «Домой, домой!» – загалдела наша компания, как будто это и было самое главное на охоте.

* * *

И заскрипел снежок под широкими лыжами. Обнаружилось: от теплой лесной избы за день мы удалились километров на десять.

На полпути к дому, на высоком пологом бугре, делаем перекур. Как раз в этот момент посиневшее от холода солнце встретилось с горизонтом. Я много раз замечал: человек всегда остановится проводить глазами заходящее солнце. Ничто так в природе не берedit сердце, как это молчаливое окончание дня. Мне помнится, даже и птицы в этот момент чуть примолкают, и ветер стихает.

Сейчас на земле полная тишина. Чуть розовеет снег. Наши тени кажутся бесконечными. Они растворяются где-то на лежащих внизу холмах. Лес по холмам темнеет брошенными в беспорядке овчинками. Вдалеке овчины соединяются в одну туманную синеватую шубу. Кажется, не будь этой шубы, земля без солнца заледенеет, и к утру не будет на ней ничего способного летать или бегать.

«Бр-р... Поди, под сорок мороз-то...» Лесок, где мы забавлялись флажками, кажется сверху маленьким пятячком. Как раз над ним пролетает сейчас стайка потревоженных кем-то тетеревов. «Глядите, глядите! Не наша ли?» По ложбине между кустами неторопливо бежит лиса. Один из охотников озорства ради стреляет вверх. Грохот звенящим клубком катится по холмам. Но лиса в нашу сторону даже и уха не повернула. Возможно, она уже нагляделась на нас из укрытия, и теперь мы потеряли для нее интерес. А может быть, и лису волнует заходящее солнце. Вот она взбежала на бугорок, села и глядит, как остывает, дымится и вот-вот исчезнет уже не дающий света малиновый круг.

* * *

В рубленной из толстых сосен избе русская печь. Заслонка открыта, жар и свет из печи такой, что за столом надо все время вертеться, подставлять теплу то один бок, то другой.

Павлов режет принесенную с мороза лосиную печенку (в минувшее воскресенье охота была удачной). Кто-то достал копченую осенью медвежатину. Явились на стол брусника, кренделя на веревочке, ну и, понятное дело, бутылка с питьем. Рядом с горячим чайником бутылка, принесенная с холода, запотела, по ней текут длинные прозрачные ручейки. Что еще надо промерзшему до костей человеку!

– Ну, за здоровье хитрой лисы...

– Печенка по-вятски! Уверю, нигде в мире такой не бывает, – говорит Павлов и водружает на стол сковородку...

Сладко заныли ноги, огнем горят ошпаренные морозом носы и уши. Кто-то уже захрапел на разостланном полушубке. Огонь погашен, только из печи на стену падает красноватый, уже не горячий свет. Разговор вполголоса, как водится, об охоте.

– А что же, лиса через флажки не посмеет?..

– Не посмеет, боится. И волк боится, и лось...

– Зайцы, наверно, по глупости не боятся.

– Медведь не боится. Рысь тоже, сам наблюдал, не боится.

– Волки очень боятся. Помню случай, неделю держали в окладе девять волков, ждали именитых охотников. Только один ушел. По следам потом видели – полз на брюхе, в снегу под флажками глубокую борозду сделал, простите за выражение, жидким ударил от страха, а все-таки пересилил себя. А восемь остальных не посмели. Ну, всех, конечно, и положили. Вот ведь штука – флажки...

– Да что зверь, а человека возьмите. В иной жизни тоже получается круг. Простое, кажется, дело, перешагни – и все пойдет по-иному. Нет, смелости не хватает. Так и живет иной бедолага в окладе. Неверно я говорю?.. – Молчание. То ли все уже задремали, то ли о чем-то думают.

Ходивший навестить лесника Павлов пускает в избу морозное облако, вешает на гвоздь полушубок и кидает в печку пару сосновых поленьев.

Морозный узор на окошке. На полу синее пятно лунного света. А на бревенчатой стенке пляшут теплые пятна света из печки. Я засыпаю с приятной мыслью, что сегодня только суббота, что завтра мы еще всласть померзнем на перелесках.

Фото автора. Кировская область. 12 января 1969 г.

Первая

Поглядите внимательно на лицо женщины. Кем она была в жизни? Вы скажете: это учительница. Школа непостижимым путем отмечает лица своих служителей. Зинаида Петровна Кокорина почти тридцать лет была учителем и директором школы. Но ее взрослые воспитанники и недавние ученики из поселка Чолпон-Ата у киргизского озера Иссык-Куль, читая эту заметку, наверняка удивятся, узнав, что их седовласая добрая «историчка» Зинаида Петровна была летчицей. И не просто летчицей, но первой советской летчицей.

Было это очень давно, если мерить время марками самолетов. Это было в годы, когда страна не имела еще своих самолетов, летали на покупных французских: «Фарманах», «Ньюпорах» и «Моран-Парасолях». Это кажется непостижимо далеким временем, если оглянуться от рубежа, взятого новым, почти фантастическим самолетом Туполева. Но, в сущности, это было недавно, если человек, летавший на этих самых «Ньюпорах», может, в качестве пассажира, правда, через пару годков полететь на нынешнем сверхсамолете.

* * *

Зинаиде Петровне семьдесят лет. В детстве самолетов она не видела. К тому же из подвального окошка дети уральского старовера-старателя видели только ноги проходивших по улице, и была у детей игра: узнавать по ногам, кто прошел – урядник, барышня, крестьянин, приехавший из деревни.

Старатель Кокорин в горах, как видно, не нашел золотой жилы. В Перми семья его жила бедно. «Хлеб покупали у нищих, так было дешевле. Зимой я ходила в школу, а летом работала на спичечной фабрике, клеила этикетки. В десять лет обучила соседку-булочницу грамоте и принесла матери пять рублей».

Зинаида Петровна Кокорина. 1969 г.

Таким было детство. Если попытаться найти в этом детстве ростки человеческого упорства, которым отмечена жизнь этой женщины, то мы их найдем без труда. За способности Зинаиду Кокорину определили в гимназию. С великим усердием, когда надо было учиться самой и давать уроки купеческим дочкам, чтобы кормиться, Зинаида Кокорина окончила гимназию с золотой медалью и решила поехать в Петроград, в университет. Это было в 1916 году.

Представим себе пять лет петроградской учебы. Начало сознательной жизни совпало с началом революции, и человек оказался в самой середине кипящих страстей. «Это было время очень больших надежд и очень больших мечтаний. Я думаю, никогда до этого на земле люди не мечтали так смело». В 1921 году Зинаида Кокорина получает диплом преподавателя средней школы. Она едет в Киев и еще не знает своей судьбы.

* * *

«Над Киевом пролетал самолет...»

Я слушаю Зинаиду Петровну и стараюсь представить этот момент: над Киевом самолет. Мальчишки, извозчики, военные, старики, продавцы, служащие остановились на улице, открыли окна и двери, подняли головы вверх. Над городом самолет... Не первый раз пролетает, и все равно улица обо всем позабыла. Даже лошади испуганно мотают головами от непривычного грохота сверху. Легкий желтовато-серого цвета аэроплан летел по-нынешнему очень медленно, по-тогдашнему непостижимо скоро. Самолет скрылся, утих. И все на улицах потекло как обычно. Но один человек в Киеве не мог уснуть ночью после низко пролетевшего самолета. «Я думала: человек-птица, особенный он или такой же, как все?..» Мне сказали: «Зинаида Петровна, дело это мужское». Тогда я захотела узнать, а как мужчины становятся летчиками, и стала укладывать свой чемодан...»

– Дима, принеси-ка мой чемодан.

Двенадцатилетний внук, слушавший наш разговор, убегает и приносит старинный потертый и поцарапанный чемодан.

– Все, что осталось... Чудом уцелел чемодан и вот фотография...

Весной 1921 года в Качу, в школу летчиков, прибыла новая библиотекарьша. Ну, прибыла и прибыла. Кто мог догадаться о тайной цели красивой высокой девушки?

* * *

Кача – это местечко в Крыму, большое, ровное и сухое пространство около моря – природой созданный аэродром. Первые самолеты не нуждались в бетонных дорожках. Качинская земля, весной покрытая маками, а летом сухой желтой травой, принимала самолет почти в любом месте. Правда, самолеты тех лет между колесами имели еще и высоко загнутую «лыжу», чтобы не запинаться, лучше касаться земли.

Зинаида Кокорина. 1934 г.

Триста мужчин учились в Каче летать. Тут были русские, латыши, эстонцы, итальянцы, индусы, болгары. «Я помню многих по именам. Ангел Стоилов был силачом-болгарином. Хорошо помню живого, неистового итальянца Джибелли, он стал потом героем Испании. Индус Керим был тихим, задумчивым человеком, перед тем как сесть в самолет, он всегда на коленях молился богу. Это были недавние пролетарии – кузнецы, слесари, переплетчики, жаждавшие летать. Мы все тогда ждали скорой мировой революции и понимали: будут бои, нужны будут летчики».

Лучше других Зинаида Петровна помнит Альберта Поэля. Этот эстонский слесарь был в Каче уже инструктором, учил летать новичков. Он имел прозвище Б о г, как, впрочем, и все другие инструкторы. И в этом слове не было никакой иронии. Каждый хорошо умевший летать казался богом даже для тех, кто сам уже понемногу летал. Высокий молчаливый эстонец чаще других стал приходить в библиотеку за книгами...

На Внуковском летном поле.

Краткости ради опустим все, что имеет малое отношение к летной судьбе Зинаиды Кокориной, но все-таки надо сказать: двое людей в ту весну узнали большую любовь. Кто обозначит меру любви? Но если и в семьдесят лет один человек говорит о другом человеке с трепетом в голосе, это, наверно, и есть высшая мера.

«Ему я первому сказала: хочу летать. И он понял... Однажды утром мы вдвоем пошли к самолету. Все помню: удивленно переглянулись механики (женщины к самолетам обычно не подходили). Помню, рукою крутнули пропеллер. Помню, побежали под крыльями красные маки. И все, что было потом, всегда вспоминалось как самый счастливый миг. Минут двадцать летали...»

В одну из суббот после этого дня летчики в Каче готовились праздновать свадьбу. В этот день молодые – библиотекарь Кокорина и летчик Поэль – готовились ехать в загс в Севастополь. А в четверг инструктор Поэль не успел вывести старый «Ньюпор» из штопора и разбился почти на глазах у невесты.

«Хоронили его в Севастополе. Вместо памятника поставили два скрещенных пропеллера, тогда всех летчиков так хоронили. Друзья говорили речи. Кто-то держал меня под руки. А я, одереvenевшая, почему-то силилась сосчитать рябившие в глазах кладбищенские пропеллеры... Вино, приготовленное на свадьбу, выпили на поминках...»

В этом месте рассказа Зинаида Петровна долго молчит. Мы глядим в окошко. На крыше соседнего деревянного дома прыгает воробей. В морозную ночь он, видно, ночевал где-нибудь в трубе. Чумазый растрепанный воробей ожил на солнышке, оставляет на ровном снегу строчки следов...

– Ну а потом?

– А потом я пошла к начальнику училища и секретарю партячейки. Постаралась им объяснить...

Наверно, нельзя мне было отказать. Через три дня я уезжала под Москву в Егорьевск. В Егорьевске проходили теоретический летный курс.

* * *

Среди мужчин в Егорьевске было четыре девушки. Но высокий инспектор, приехавший из Москвы, всех отчислил. Он сказал то же самое, что Зинаида Кокорина слышала множество раз, но сказал грубо: «Бабам не место...». Нарком в Москве, приветливый и доступный, был отечески добрым, но и он отказал: «У вас может быть столько дорог. А самолет... Ну, признайтесь, разве легко...»

Оставался один человек, который мог бы помочь двум особенно упорным – Евдокимовой и Кокориной. Человек не стал отговаривать. Он внимательно слушал, теребил кончик известной всей стране бороды и под конец сказал: «А выдержите?» Калинин вышел из-за стола, пожал руку: «Первым всегда трудно. Не отступать...»

«После курса в Егорьевске я ехала в Качу, к стареньким самолетам. За Курском по причине больших заносов поезд остановился. Пассажиры чистили путь, добывали дрова для паровоза. Под Харьковом еще одна остановка. Путь был свободным, но мы стояли. Пять минут непрерывно гудел паровозный гудок. Мужчины на морозе стояли с непокрытыми головами. Машинист, не стыдясь, плакал. В эти минуты в Москве хоронили Ленина».

* * *

А дни шли. И можно было уже сесть в самолет. И не летать еще, а просто так посидеть в кабине, потрогать крылья ладонью, крутнуть пропеллер для тех, кто взлетал, подышать запахом подгоревшей касторки. Старые, изношенные самолеты. Каждый день в них обязательно что-нибудь ломалось. Нынешний летчик изумился бы, заглянув в кабину качинского «Ньюпора» или «Авро» – ни одного прибора! Ни одного. «Работу мотора определяли на слух, высоту полета на глаз. Летали, правда, недалеко и невысоко».

Полет был праздником. Минут десять – пятнадцать праздника. Остальное – будни. Подъем до солнца, отбой поздно вечером. Переборка моторов, притирка клапанов, рулежка по полю. Моторы были недолговечные – сорок часов работы, и надо менять. Потому на каждый самолет полагалось по три мотора. С одним летали, другой стоял наготове в ангаре, третий в мастерской на починке. «Тут я хорошо узнала, что значит «не женское дело». Надо было не просто поспевать за мужчинами. Среднячком свое право я не могла утвердить. Надо было стать первой».

И она была первой во всем. Ее выбрали старостой группы. Она первая освоила самолет. И когда подошло время летать без инструктора, первой назвали ее фамилию.

Можно рассказать о самом первом ее полете. Он случился 3 мая 24-го года. Но все было буднично просто. «Авро» взлетел, сделал круг и опустился в обозначенном месте. В летной практике школы это был рядовой факт: еще один курсант удачно начал полеты. В человеческой жизни это была заметная дата. Сейчас издалека мы хорошо видим: утверждая себя, человек прибавил камешек в пирамиду человеческих ценностей.

«В тот день я была просто счастлива. Мы ходили в одинаковых комбинезонах, и только букетик крымских цветов, который я получила, вылезая из самолета, отличал меня от всех остальных».

Трудным был третий ее полет. Разлетелся мотор у «Авро». Капот мотора оторвался и лег на крыло. Самолет падал, но все-таки сел. Когда разбирали полет, человек, которого в Каче все уважали, сказал: «Кокорина будет хорошим летчиком».

* * *

Она стала хорошим летчиком. **Красный летчик.** Так значилось в ее документах. Советская авиация в те годы только-только рождалась. Летали по-прежнему на покупных самолетах, названия были новые, звучные, но чужие: «Хавеланд», «Мартин-сайд», «Фокер». Конструкторы будущих «Илов» и «Яков» еще только учились. На планерных соревнованиях в Коктебеле Зинаида Кокорина познакомилась с молодыми людьми, тогда еще неизвестными. Один назвался Ильюшиным, другой Яковлевым. «Яковлев был мальчишкой, лет восемнадцать, не больше. Он увидел мои петлицы и удивился: «Вы летчик?!»

Но просто летать теперь уже мало. Зинаида Кокорина решает стать летчиком-истребителем. Опять учеба. Приемы воздушного боя, стрельба по цели, бомбометание. Два десятка мужчин и одна женщина учатся в Высшей военной школе под Серпуховом. Выпускные экзамены. Лучший результат по пилотажу и стрельбе – у Зинаиды Кокориной. Ее оставляют пилотом-инструктором в школе. Теперь она летает сама и учит летать других. Приезжают ее друзья из Качи. «Смотрю, теребят за рукав: «Зина, возьми в свою группу...»

«После Серпухова я служила в Борисоглебском и Липецком летных полках. А потом Осоавиахим».

Нынешним молодым людям надо заглядывать в энциклопедию или расспрашивать, что значит слово **Осоавиахим**.

В 30-х годах это слово значило очень много. Создавалась мощная, оснащенная техникой армия. И каждый человек, чем мог, помогал армии.

«У нас работали очень известные теперь люди. Тот же Ильюшин и Яковлев, ракетчики Цандер и Сергей Павлович Королев. Я тогда замещала руководителя авиационного отдела в Центральном совете».

Это было время, когда создавались аэроклубы и летные школы, когда почти каждый город строил себе парашютную вышку, когда летчиков готовили уже не десятками, а тысячами и летали уже на своих самолетах. Зинаида Петровна стояла во главе огромной работы. Сохранилась фотография той поры. Немецкий конструктор Фокер, прилетавший в Союз по каким-то делам, подарил «удивительной русской женщине» свой портрет с надписью, лестной для каждого летчика.

В аэроклубы из Москвы инспектор Кокорина летала на самолете не пассажиром, а летчиком. И уж, наверно, ее видели девушки в самых разных местах страны. Знаменитая летчица Полина Осипенко вспоминает: «Я была птичницей. У нашей деревни сел самолет. Вышла женщина. Я вся загорелась: и женщины могут летать?!»

За первой ласточкой, каким бы ранним ни было ее появление, весна непременно приходит. В конце 30-х годов уже сотни девушек научились летать. Полет через всю страну Осипенко, Расковой и Гризо дубовой окончательно утвердил место женщины среди летчиков. Во время войны на фронте сражались женские полки летчиков. Валентина Гризодубова командовала мужским полком дальней бомбардировочной авиации. В музее авиации и космонавтики есть снимок девушки Лили Литвяк. Она стоит рядом с обескураженным немецким асом. Аса сбили под Сталинградом. Не знавший поражения летчик пожелал увидеть, кто его сбил. И тогда вошла девятнадцатилетняя девушка в полужубке.

В войну тридцать женщин-летчиц стали Героями Советского Союза. Среди них для Зинаиды Петровны Кокориной есть особенно дорогое имя: Нина Распопова. Это ее прямая воспитанница. Она училась в Хабаровске, где Зинаида Петровна была начальником летной школы.

* * *

В прошлом году осенью Зинаиде Петровне надо было переезжать в Москву из Киргизии. Друзья осторожно спросили: «Может быть, поездом?»

«Нет, обязательно самолетом».

Ил-18 вез в Москву первую летчицу. Никто, конечно, не знал старушку, которая просилась сесть непременно возле окошка.

– Первый раз, наверное, летите? – спросила девушка-стюардесса.

– Да, дочка, первый раз за последние тридцать три года...

Тридцать лет Зинаида Петровна прожила на берегу озера Иссык-Куль. Учила киргизских и русских детей. «Прошлое постепенно забылось. Иногда казалось даже, что это не я, а кто-то другой летал. А теперь всплыло, нахлынуло...» Началось все с того, что дочь написала в Москву из Киргизии: «Может быть, кто-нибудь помнит?»

Зинаиду Кокорину помнили. Отозвалось много друзей. И вот уже полгода Зинаида Петровна в Москве...

Восемь часов, подогревая время от времени чай, мы говорим. Говорит Зинаида Петровна, я слушаю и дивлюсь бодрости, уму и обаянию семидесятилетней дочери уральского старовера.

«Дочка, можно сказать, без отца вырастала. Он тоже был летчиком. Уехал на Восток. Я считала: там он погиб. Но вот недавно дочери показали одну интересную «Доску почета». Портрет отца висит рядом с портретом Рихарда Зорге. Оказалось, они вместе работали на Востоке».

– Зинаида Петровна, не могли бы мы сделать для вас что-нибудь нужное или приятное? – спрашиваю я в конце разговора.

– Можешь, голубчик. Свози меня на аэродром. Хочу как следует поглядеть нынешние самолеты.

Мы были на Внуковском летном поле. День стоял серенький. Самолеты, оторвавшись от земли, сейчас же исчезали в холодной хмари. Зинаида Петровна ходила, опираясь на палочку, и надо было ее поддерживать за руку.

– Хотите знать, о чем думаю?.. Когда первый раз в жизни увидела самолет, было ощущение чуда. Это чувство осталось... И вот думаю: если бы мне сейчас двадцать, начала бы все, как тогда? И сама себе отвечаю: начала бы все, как тогда...

Она была первой... После хорошего снегопада попробуйте проложить лыжню для других. Даже в этом маленьком деле вы хорошо поймете, что значит быть первым.

Фото В. Пескова и из архива автора. 4 февраля 1969 г

40 дней в Африке

Череп слона и рога буйвола украшают въезды во многие заповедники Кении и Танзании.

* * *

Снимок львов сделан с расстояния пяти метров в кратере Нгоронгоро (Танзания). Мы подъехали – львы спали. Поглядев на нас минут десять, зверь опять растянулся и засопел.

Львы совсем не боятся автомобилей, принимая их, видимо, за существа вполне безобидные. Но сделайте шаг из машины... У всех хватает благоразумия не делать этого.

* * *

Более всего пленки я извел на жирафов. Они встречаются часто, почти совсем не боятся людей, и даже высокая зелень не всегда может скрыть от фотографа мирное существо Африки.

Эту группу мы встретили в долине реки Львов заповедника Серенгети. Животных кто-то, видимо, потревожил. Они сбились в тесную кучу и беспокойно двигали шеями.

* * *

Последние две недели я проявлял пленку, приводил в порядок блокноты и отвечал на вопросы друзей. Любопытно, что расспросы об Африке начинаются одинаково: «Ну, скажи, жарко?», «А еда?», «А спал где?», «Неужели без ружья, с одной камерой?»... Мы уже много знаем об Африке и все-таки начинаем с этих вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.